

Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Н. Тагил, 2004.

ПСЗ. Т. 38.

РГИА. Ф. 1473. Оп. 1.

Шкериш В. А. Харитонов Петр Яковлевич // Главы городского самоуправления Екатеринбурга : ист. очерки. Екатеринбург, 2008.

Статья поступила в редакцию 12.09.2011 г.

УДК 94(57)“1917/1918” + 94(574) + 342.395.8(57)

В. И. Шишкин

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АЛАШ-ОРДЫ И ВРЕМЕННОГО СИБИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА*

Анализируются взаимоотношения двух областных органов государственной власти — Всекиргизского временного народного совета (Алаш-Орда) и Временного Сибирского правительства, возникших в условиях распада российской государственности в конце 1917 — начале 1918 г. Делается вывод о существовании объективных предпосылок для их солидарного политического поведения, обусловленных общностью стратегической цели — достижением автономии в составе демократической федеративной республики Россия. Рассматриваются разногласия по вопросам о том, как, когда и в каких формах можно было достичь этой цели в условиях начавшейся широкомасштабной гражданской войны, которые привели к тому, что потенциальный союз этих правительств не состоялся.

Ключевые слова: гражданская война; Алаш-Орда; Временное Сибирское правительство; Сибирская областная дума; автономия; национальная независимость.

Всекиргизский временный народный совет Алаш-Орда, позиционировавший себя в качестве правительства проживавших на территории бывшей Российской империи казахов и традиционно кратко именуемый Алаш-Ордой, и Временное Сибирское правительство (ВСП) просуществовали недолго. Они возникли после Октябрьского переворота 1917 г. и в значительной мере объяснялись как реакция местной общественности на развал российской государственной власти, на тот системный кризис, который поразил Россию в ходе углубления революционного процесса. В начале ноября 1918 г. Алаш-Орда и Временное Сибирское правительство сошли с исторической арены, уступив место избранному на Государственном совещании в Уфе Временному всероссийскому правительству.

Однако в истории гражданской войны в России, особенно в истории Казахстана и Сибири, они оставили заметный след. С Алаш-Ордой была связана первая попытка казахской интеллигенции добиться автономии для собственного народа в составе России. Временному Сибирскому правительству принад-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (исследовательский проект № 11-01-00222а).

лежит главная заслуга в свержении летом 1918 г. на востоке России советской власти и в установлении на этой территории режима так называемой демократической контрреволюции. Лето 1918 г. стало тем временем, когда оба правительства, имевшие областной масштаб, искали союзников для решения своих задач. Данным обстоятельством был обусловлен их взаимный интерес друг к другу.

Безусловно, существовало довольно много объективных факторов, благоприятствовавших консолидации усилий и ресурсов этих двух правительств, которые возникли «снизу», по инициативе местной общественности, примерно в одно и то же время с интервалом всего в полтора месяца. Алаш-Орда была избрана на проходившем в Оренбурге 5–13 декабря 1917 г. Втором Всекиргизском съезде. Временное Сибирское правительство выросло из недр Сибирской областной думы, а его персональный состав был утвержден в ночь на 29 января 1918 г. на нелегально проходившей в Томске первой сессии думы. Оба правительства состояли из общественных деятелей, хорошо известных своей приверженностью демократическим идеалам.

Первоначально главной целью своего существования эти правительства провозгласили достижение автономии в составе Российской Федеративной Демократической Республики. Для этого в конце 1917 – начале 1918 г. Алаш-Орда и сибирские областники сделали ставку на Советы, в том числе большевистские. Но насильно захватившие государственную власть большевики в январе 1918 г. разогнали Сибирскую областную думу, а затем отказались принять условия Алаш-Орды. Поэтому оба правительства перешли на антисоветские позиции. Весной 1918 г., в целях борьбы против большевиков, уполномоченные этих правительств приступили к формированию вооруженного подполья и отрядов. В конце мая – начале июня их вооруженные силы открыто выступили против советской власти, причем, как признавало сначала руководство Алаш-Орды, «Сибирь заняла в этом освободительном движении центральное положение» [Алаш-Орда, с. 120].

К тому времени у алашордынцев и сибиряков-областников уже имелся опыт сотрудничества на ниве борьбы за автономные права. Достаточно напомнить, что на состоявшемся 8–17 октября 1917 г. в Томске Первом Сибирском областном съезде участвовало 10 делегатов-казахов, представлявших Акмолинский, Тургайский, Семипалатинский, Семиреченский и Уральский областные, Каркаралинский уездный киргизские комитеты, а также Кустанайский уездный и Тургайский областной Советы крестьянских, киргизских и солдатских депутатов. В числе этих делегатов были лидеры партии Алаш и будущие члены Алаш-Орды А. Н. Букейханов, Х. А. Габбасов, С. Д. Дошанов, А. А. Ермаков, Е. И. Итбаев, Р. М. Марсеков и А. Д. Сеитов [см.: ГАТО, ф. Р-552, оп. 1, д. 11, л. 18, 22, 70, 78, 81, 90, 103, 250, 287]. В то время представители казахского населения не отделяли себя от делегатов других национальностей, проживавших в Сибири, и рассматривали себя в качестве составной органической части сибирского областнического движения, направленного на совместное достижение общей для них автономии. Не случайно на этом съезде А. А. Ермаков был избран сначала в Сибирский областной совет, являвшийся в то время руководящим

органом областного движения, а затем членом его исполнительного комитета, в котором выполнял функции секретаря [Первый Сибирский..., с. 17].

Значительно слабее было представительство казахского населения на Втором Сибирском областном съезде, получившем название чрезвычайного и проходившем в Томске 6–19 декабря 1917 г. Последнее обстоятельство скорее всего объясняется тем, что по времени работа этого Сибирского областного съезда почти совпала со Вторым Всекиргизским съездом в Оренбурге. Тем не менее в работе Чрезвычайного Сибирского областного съезда приняли участие видные члены партии Алаш К.-Г. Л. Сейдалин, И.-Г. Т. Турмухамедов и председатель Акмолинского областного киргизского исполнительного комитета А. Т. Турлубаев, избранный вскоре в Оренбурге членом Алаш-Орды и даже конкурировавший с А. Н. Букейхановым и Б.-К. Кулмановым за место председателя национального правительства [см.: ГАТО, ф.Р-72, оп. 1, д. 3, л. 11; ф. Р-578, оп. 1, д. 1, л. 122, 138, 139]. 9 декабря возглавляемое Р. М. Марсековым Семипалатинское уездное земское собрание направило Чрезвычайному областному съезду приветственную телеграмму [Восточное отделение..., с. 32]. На этом съезде А. А. Ермаков был заочно избран членом Временного Сибирского областного совета, который рассматривался областниками в качестве «ядра» будущего кабинета министров [Бюллетень..., с. 1].

Сотрудничество алашордынцев и сибирских областников продолжалось и в процессе борьбы против советской власти. Так, уполномоченный ВСП в Семипалатинске И. А. Зубарев-Давыдов, возглавлявший местное антибольшевистское подполье, получил от представителя Алаш-Орды Б.-А. С. Сарсенева 29 тыс. рублей. Три десятка русских офицеров, входивших в семипалатинскую подпольную организацию, в конце весны — начале лета 1918 г. в качестве командиров и инструкторов приняли участие в формировании в степи первых вооруженных отрядов Алаш-Орды. 18 июня 1918 г., уже после бегства большевиков, эти отряды общей численностью примерно в три сотни человек под командованием И. А. Зубарева-Давыдова вошли в Алаш, а на следующий день — в Семипалатинск, ставший резиденцией Алаш-Орды. Их знамена украшали надписи «Да здравствуют верные сыны Родины!» и «Да здравствует Всероссийское и Сибирское учредительное собрание» [РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 15, л. 3–5, 8; Свободная речь...; Заря; Сибирская речь].

В Омске после изгнания большевиков Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства, являвшийся тогда высшим органом управления на освобожденной от Советов территории, 19 июня 1918 г. назначил лидера местных алашордынцев А. Т. Турлубаева членом Акмолинского областного комиссариата [Западно-Сибирский комиссариат..., с. 121–122]¹. В свою очередь, Акмолинский областной комитет партии Алаш планировал выпустить воззвание к казахскому населению с призывом повиноваться ВСП и

¹ Правда, А. Т. Турлубаев служил на этой должности не более месяца. Где-то в середине июля 1918 г. он подал прошение об увольнении, мотивируя свой отказ работать в комиссариате избранием в состав Всекиргизского народного совета Алаш-Орды и необходимостью переезда в связи с этим в Семипалатинск [см.: Шишкин, с. 162–163, 165].

поддерживать его [Заря, 1918, 28 июня]. 14 июля 1918 г. председатель Алаш-Орды А. Н. Букейханов направил из Омска в Томск председателю Сибирской областной думы И. А. Якушеву приветственную телеграмму, в которой говорилось, что «правительство Алаш-Орды видит спасение нашего общего Отечества — России — в федерации автономных областей» [ГАТО, ф.Р-72, оп. 1, д. 39, л. 84].

В то же время существовало немало объективных и субъективных обстоятельств, которые серьезно затрудняли сближение Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства. В частности, Алаш-Орда была неоднородна по своему партийно-политическому составу. Ее лидеры и сторонники были едины в определении стратегической цели, под которой понималась автономия Степи. Но они серьезно расходились в вопросе о времени ее провозглашения, в определении тактических средств, при помощи которых можно было достигнуть автономии, а самое главное — в определении ее характера.

Уже на втором Всекиргизском съезде значительная часть его радикально настроенных делегатов потребовала немедленного объявления национально-территориальной автономии, тогда как большинство участников съезда считало необходимым первоначально сформировать собственные вооруженные силы и достигнуть договоренности с представителями других народов, проживавших в Степи и на прилегающей к ней территории. Во избежание раскола большинство делегатов съезда уступило меньшинству и признало необходимым безотлагательно добиваться установления для казахского населения национально-территориальной автономии в полном объеме [см.: Бочагов, с. 42—44].

К тому же разные территориальные фракции Алаш-Орды, именовавшиеся ее отделениями, придерживались различной политической ориентации. В период установления советской власти такие алашордынцы, как М. Чокаев, склонялись к необходимости союза с Туркестаном (Кокандской автономией). Большая же часть руководителей Алаш-Орды, находившихся в Семипалатинской области, взяла курс на сотрудничество с большевиками. Так, Семипалатинское областное земство, которое возглавляли алашордынцы Р. М. Марсеков (председатель управы), Х. А. Габбасов (заместитель) и А. Сатпаев (член управы), 31 января 1918 г. признало советскую власть. В конце марта — начале апреля 1918 г. А. Н. Букейханов, Х. А. Габбасов, братья Д. и Х. Досмухамедовы, А. А. Ермаков пошли еще дальше: они вели переговоры о возможности провозглашения казахской автономии с лидерами большевиков Лениным и Сталиным [см. об этом: Бочагов, с. 16—17; Аманжолова, с. 49; Сушко, с. 134—135; Восточное отделение..., с. 269—270].

Отказ советского руководства удовлетворить требования алашордынцев побудил их к поиску контактов с антибольшевистским подпольем, которое возглавляли представители Временного Сибирского правительства. Но, как считало позднее руководство особого отдела Министерства внутренних дел российского правительства А. В. Колчака, этот «поворот от советской ориентации в сторону правительственной власти явился не результатом искреннего сочувствия последней со стороны деятелей “Алаш-Орды” делу возрождения России, а результатом правильного учета соотношения сил, стремлением

использовать в интересах автономии Киргизии предстоящее столкновение двух стихий...» [Восточное отделение..., с. 271].

После свержения советской власти одни алашордынцы сделали ставку на самарский комитет членов Всероссийского учредительного собрания (Комуч), другие — на атамана Оренбургского казачьего войска А. И. Дутова, третьи — на Временное Сибирское правительство. В частности, в конце июня 1918 г. была достигнута договоренность между находившимися в Семипалатинске уполномоченными Временного Сибирского правительства Г. Г. Кафтаном и Б. К. Ляховичем и руководством Алаш-Орды о том, что для установления тесной связи между Алаш-Ордой и ВСП из Семипалатинска в Омск будет делегирован А. А. Ермаков. Затем в сибирской прессе появилась информация о том, что Западно-Сибирский комиссариат вызвал в Омск некоторых членов Алаш-Орды [см.: ГА РФ, ф. Р-151, оп. 1, д. 7, л. 115; Заря, 1918, 26 и 28 июня].

Тем временем руководство Алаш-Орды в составе А. Н. Букейханова, Х. А. Габбасова и М. Тынышпаева обосновалось в Семипалатинске и приступило к работе. 24 июня оно приняло ряд постановлений, в соответствии с которыми на подведомственной Алаш-Орде территории были аннулированы все советские декреты; восстановлены земские учреждения, организованные после Февральской революции; для формирования собственных вооруженных сил был создан военный совет; управление казахскими территориями было возложено на областные и уездные советы, состав которых временно назначался Алаш-Ордой; восстановлены законы российского Временного правительства по вопросам о свободе совести, слова, печати, собраний и союзов; утвержден проект правил о временном землепользовании; все налоги, собираемые с населения территории Алаш, предлагалось передавать в кассу Алаш-Орды [Алаш-Орда, с. 108—112].

В тот же день за подписью А. Н. Букейханова от имени Алаш-Орды во все города и другие населенные пункты Степного края была отправлена телеграмма, в которой говорилось: «...[Алаш-Орда] согласно постановлениям второго Общекиргизского съезда приступила к исполнению своих обязанностей и находится в союзном отношении с сибирской [и] башкирской автономией. Предлагаем организовать местный совет Алаш-Орды, который ведает делами всего киргизского населения, не вмешиваясь в компетенцию местных земских и городских самоуправлений. Немедленно приступить к организации милиции, работая в контакте с местными представителями Сибирского Временного правительства. Согласно постановлению указанного съезда, приступите к сбору денег...». Далее Алаш-Орда предлагала созданным областным и уездным советам немедленно начать сбор податей с казахского населения за 1917—1918 гг. и сдавать их в казначейство на ее счета. Алаш-Орда предписала также немедленно призвать в конную милицию по 30 человек с каждой волости, причем половину наряда ближайšie волости должны были выполнить в недельный срок, а другую половину — в месячный [см.: Приишимье, 1918, 30 июня; Сибирская жизнь, 1918, 5 июля].

По утверждению семипалатинского корреспондента авторитетной томской газеты «Сибирская жизнь» Н. Риддерского, это распоряжение А. Н. Букейханова «внесло путаницу во взаимоотношения властей уездных. <...> Из уездов

начинают поступать запросы, как понимать эту телеграмму и, поскольку она является официальным документом, каково положение земских учреждений, имеющих смешанное [национальное] представительство. <...> По свидетельству одного из земских уездных деятелей, с которым я беседовал на днях, работа земских управ остановлена, ввиду создавшегося положения земские учреждения как бы затушеваны, притока податей нет, да и рассчитывать на них в близком будущем рискованно, ибо деньги пойдут советам Алаш-Орды, а земские кассы будут обречены на голод». В заключение Н. Риддерский выражал надежду на то, что «киргизское правительство Алаш-Орды со свойственной ему энергией рассеет в ближайшее же время все сомнения и поставит точку над і» [Сибирская жизнь, 1918, 17 июля].

Между тем в конце июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат передал верховную власть на территории Сибири Совету министров ВСП. Если комиссариат состоял из четырех эсеров, то насчитывавший сначала пять человек Совет министров был значительно «правее» в политическом отношении. В его составе эсером был только один М. Б. Шатилов, занимавший пост министра туземных дел. Председатель Совета министров и министр иностранных дел П. В. Вологодский, министр внутренних дел В. М. Крутовский и министр финансов И. А. Михайлов являлись беспартийными областниками, а министр юстиции Г. Б. Патушинский — народным социалистом. Причем П. В. Вологодский и И. А. Михайлов, ранее состоявшие в партии эсеров, теперь позиционировали себя как твердые государственники.

Совет министров ВСП не оставил политическое выступление Алаш-Орды без внимания. 4 июля он даже намеревался специально заслушать вопрос «Об объявлении киргизами автономии», но решил отложить его рассмотрение до приезда в Омск А. А. Ермакова. Правда, в тот же день Совет министров утвердил декларацию о государственной самостоятельности Сибири, в которой заявил, что «отныне никакая иная власть помимо Временного Сибирского правительства не может действовать на территории Сибири или обязываться от ее имени» [Собрание узаконений..., с. 1–3; Временное Сибирское правительство, с. 116].

Прибывший вскоре в Омск А. А. Ермаков, наделенный правами уполномоченного Алаш-Орды при ВСП, представил на рассмотрение Совета министров проект соглашения «между Сибирью и Киргизией», датированный 10 июля 1918 г. В нем Алаш-Орда внесла на обсуждение ВСП следующие предложения: 1) признать территорию автономии Алаш в границах тех областей и губерний, которые были указаны в постановлении Второго Всекиргизского съезда²; 2) признать Алаш-Орду центральным государственным органом, которому подчиняются все национальные (т. е. казахские) общественные организации и учреждения;

² Напомним, что в соответствии с постановлением этого съезда в состав автономии Алаш должны были войти следующие административно-территориальные единицы: Букеевская орда, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Сыр-Дарьинская, Тургайская и Уральская области, Аму-Дарьинский отдел Закаспийской области, населенные казахами уезды Самаркандской и Ферганской областей, а также смежные волости Алтайской губернии.

3) оказать помощь военными инструкторами, вооружением, снаряжением и снабжением в создании национальной армии при условии подчинения ее на время войны общему командованию, назначенному ВСП; 4) предоставить Алаш-Орде заем.

Со своей стороны Алаш-Орда соглашалась до официального объявления Алаша автономией подчинить существовавшие на его территории государственные учреждения, смешанные (русско-казахские по составу) органы управления и самоуправления Временному Сибирскому правительству при обязательном участии в решении всех этих вопросов представителя Алаш-Орды [см.: Алаш-Орда, с. 121].

Пятнадцатого июля М. Б. Шатилов доложил содержание этого документа Совету министров ВСП. Совет министров, отметив «свое благожелательное отношение к киргизскому народу», тем не менее поручил П. В. Вологодскому и М. Б. Шатилову встретиться с А. А. Ермаковым «для детального выяснения вопросов, интересующих Совет министров». О предстоящем решении Совета министров представителя Алаш-Орды намечалось поставить в известность лично, пригласив его на заседание Совета министров [см.: Временное Сибирское правительство, с. 154–155].

Судя по журналам заседания Совета министров, в течение последующих десяти дней вопрос о соглашении с Алаш-Ордой не обсуждался. Конечно, такая неторопливость в условиях гражданской войны была совершенно непозволительной. Лидеров Алаш-Орды она явно беспокоила, поскольку под угрозой был поставлен их авторитет, и казалась проявлением политического недоверия со стороны сибиряков. Поэтому прибывшие в конце июля 1918 г. в Омск А. Н. Букейханов и заведующий военным отделом Алаш-Орды капитан Х. Тохтамышев предприняли попытку ускорить решение вопроса.

Х. Тохтамышев 26 августа 1918 г. подал записку на имя управляющего военным министерством ВСП, в которой информировал последнего о решении Алаш-Орды создать собственную национальную армию в количестве четырех конных корпусов и одной отдельной дивизии. В записке перечислялись условия, на которых Алаш-Орда намеревалась осуществить решение этой задачи, в том числе указывалось, что назначение на командные должности должно производиться «киргизским военным штабом», что киргизская армия будет подчиняться «во всех отношениях своему штабу», и только «при совместных действиях с войсками Временного Сибирского правительства» допускалось ее подчинение высшему штабу «без разбора национальности».

В записке в очередной раз содержалась просьба к ВСП взять на себя обеспечение Киргизской армии инструкторами, вооружением, снаряжением и всеми видами довольствия, хотя Х. Тохтамышев прекрасно знал, что Сибирская армия сама испытывала в них острую потребность, добывая все это главным образом в боях с Красной армией.

Управляющий военным министерством и командующий Сибирской армией генерал-майор А. Н. Гришин-Алмазов, в тот же день ознакомившийся с запиской Х. Тохтамышева, оставил на полях текста этого документа вполне закономерно напрашивавшуюся резолюцию: «Прошу ясно и категорически отве-

тить: мыслит ли Алаш-Орда свою армию как составную часть всероссийской, что является основным пунктом конституции всякой федерации, или нет».

На этот вопрос глава военного ведомства и командующий Сибирской армией немедленно получил от Х. Тохтамышева совершенно ясный ответ: «Сообщаю, что Алаш-Орда мыслит свою армию как составную часть всероссийской армии, находящейся в распоряжении федеративной власти» [ГАТО, ф. Р-72, оп. 1, д. 5, л. 6–7; Сушко, с. 193–194].

В тот же день (26 июля) А. Н. Букейханов подал в Совет министров ВСП пространную докладную записку. В своей существенной части ее текст в значительной мере повторял содержание докладной записки А. А. Ермакова от 10 июля. Но в ней были и принципиально новые позиции и акценты. В частности, в новой записке содержалось предложение Временному Сибирскому правительству обменяться с автономией Алаш взаимным признанием. Авторы записки посчитали возможным до установления границ Алаша и выявления воли русского населения на территории автономии сохранить существовавшие здесь государственные органы, смешанные городские думы и земские учреждения под контролем комиссаров, назначенных ВСП по соглашению с Алаш-Ордой; временно подчинить государственные структуры и смешанные органы земского и городского самоуправления распоряжениям ВСП при условии участия в принятии решений последним представителя Алаш-Орды; назначения на ответственные государственные должности в автономии Алаш предлагалось осуществлять с согласия Алаш-Орды. В качестве первоочередной задачи формируемой киргизской армии ставилось очищение от большевиков территории Алаша и оказание помощи Семиречью и Туркестану. Наконец, в заключение в записке предлагалось созвать в ближайшее время конгресс депутатов автономных народов и окраин, освобожденных от большевиков, для создания федеральной власти. В частности, предлагалось образовать федерацию автономий Сибири, Алаша, Башкирии и Туркестана.

Наиболее серьезным новшеством в позиции Алаш-Орды, содержавшимся в записке от 26 июля, стало прямое обвинение ВСП в затяжке переговоров, из-за чего, по мнению руководства Алаш-Орды, от Алаша «отложилась» Уральская область. Опасность дальнейшего распада автономии, говорилось в записке, «вынудит Алаш-Орду решиться на крайние меры, отказаться от союза с Сибирью, объявить автономию Алаш и спасти единение казак-киргизского народа, пожертвовав выгодами союза с Сибирью» [Заря, 1918, 2 августа; см. также: Алаш-Орда, с. 122–127].

Другими словами, ради консолидации населенных киргизами земель и обретения ими национально-территориальной автономии лидеры Алаш-Орды были готовы отказаться от совместной с сибиряками борьбы против советской власти. Естественно, такое поведение вызывало у деятелей российской контрреволюции подозрение в политической неустойчивости и даже неразборчивости алашордынцев, порождало недоверие к Алаш-Орде.

На этот раз на записку Алаш-Орды Совет министров ВСП отреагировал оперативно. 27 июля Совет министров принял решение в целях ознакомления членов правительства с вопросом и детального рассмотрения представленного

Алаш-Ордой проекта создать специальную комиссию под председательством М. Б. Шатилова, в которую включил управляющего Министерством народного просвещения профессора В. В. Сапожникова, товарища министра внутренних дел П. Я. Михайлова и помощника управляющего Министерством земледелия и колонизации А. М. Ярмоша. Предусматривалось, что в работе комиссии примет участие также А. Н. Букейханов и представители заинтересованных министерств [Временное Сибирское..., с. 200]. Тогда же в газетах появилась хроникальная заметка за подписью Министерства внутренних дел ВСП, в которой говорилось, что в связи с приездом в Омск представителей Алаш-Орды «Совет министров предполагает в ближайшие дни разрешить вопрос о культурной или территориальной автономии и границах инородческой Сибири» [Заря, 1918, 30 июля; Свободная речь, 1918, 31 июля].

Уже через день (29 июля) созданная Советом министром комиссия приступила к работе. Реально ее деятельность возглавлял В. В. Сапожников, поскольку по непонятным причинам М. Б. Шатилов отсутствовал. Но дополнительно в работе комиссии принял участие представитель военного ведомства генерал-майор В. Л. Попов, а также алашордынцы А. А. Ермаков и Х. Тохтамышев. 29 и 30 июля, 2 и 3 августа 1918 г. состоялось четыре заседания этой комиссии. В ходе ее работы алашордынцы сняли свое требование о взаимном признании автономий Алаш и Сибири. Комиссия посчитала также не имеющим прямого отношения к теме предложение Алаш-Орды о конгрессе депутатов автономных народов и окраин России.

В результате комиссия подготовила следующий проект соглашения между Алаш-Ордой и Временным Сибирским правительством:

1) До выявления воли русского населения на территории Алаш-Орды и установления границ ее, считаясь с требованиями момента, Алаш-Орда находит возможным:

а) сохранение в настоящем виде всех смешанных учреждений, земств, городских дум под контролем комиссаров, назначаемых Временным Сибирским правительством по соглашению с Алаш-Ордой в областях со смешанным населением: Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской;

б) временное подчинение государственных и смешанных учреждений, управлений и самоуправлений распоряжениям Временного Сибирского правительства при участии в этом последнем при решении относящихся к названным областям вопросов представителей Алаш-Орды.

2) До конструирования власти, признаваемой всеми национальностями территории Алаш, Алаш-Орда является органом власти казак-киргизского народа. Все национальные общественные организации и учреждения подчиняются только Алаш-Орде. Она имеет право сбора кибиточной подати и специального обложения в свою казну. Алаш-Орда организует национальные суды, местные советы Алаш-Орды, ведающие на местах всеми национальными делами казак-киргизского населения, оставшимися за пределами компетенции восстановленных земств и городских дум.

Наиболее кардинальной переработке в комиссии подверглись предложения Алаш-Орды по вопросу о формировании киргизской армии. Было решено, что она организуется, управляется, обучается и снабжается на основах, принципах

и по плану Сибирской армии, но с необходимыми дополнениями и изменениями, вызываемыми местными особенностями жизни и быта киргизов и вводимыми Алаш-Ордой по соглашению с военным министерством ВСП; мобилизацию в армию осуществляет Алаш-Орда по соглашению с военным министерством Временного Сибирского правительства, поскольку число мобилизуемых ограничивалось наличием вооружения, обмундирования, довольствия и прочих средств организации, отпускаемых Временным Сибирским правительством; входит нераздельной единицей в сибирскую армию; подчиняется общему командованию в рядах вооруженных сил ВСП; старший начальник киргизской армии и командиры отдельных киргизских частей назначаются командующим сибирской армией с согласия правительства Алаш-Орды; наконец, киргизская армия совместно с вооруженными силами Сибири защищает территорию последней и Алаш и выполняет все оперативные задания, которые ставит командование сибирской армии [ГАТО, ф. Р-72, оп. 1, д. 5, л. 11–12].

Тем не менее член комиссии А. М. Ярмош (кстати, единственный человек в ее составе, имевший высшее юридическое образование: он окончил Демидовский лицей) отказался подписать разработанный проект соглашения, 3 августа он подал заявление, в котором объяснил свою позицию следующими соображениями, не приняты во внимание которые было нельзя:

В проекте соглашения для меня остается невыясненной природа политического устройства киргизского народа и сущность государственно-правовых отношений его к российской государственности и автономии Сибири. Между тем оставлять этот вопрос открытым или разрешать его в порядке разрешения отдельных вопросов из области взаимоотношения [Временного] Сибирского правительства и Алаш-Орды я считаю неправильным и нецелесообразным. Такая неопределенность взаимоотношений, несмотря на те наилучшие стремления, которыми в данное время воодушевлены обе договаривающиеся стороны, в ближайшем же будущем может создать по самым разнообразным поводам, предусмотреть которые ныне никакими соглашениями нельзя, острое и опасное для обеих сторон положение [Там же, л. 12].

Совет министров 9 августа 1918 г. заслушал доклад М. Б. Шатилова об итогах работы комиссии по вопросу о взаимоотношениях ВСП и Алаш-Орды. Вопреки встречающемуся в литературе мнению, он не утвердил подготовленный проект соглашения, ограничившись предоставлением военному министерству права прийти «в соглашение с представителями Алаш-Орды о формировании отдельных киргизских отрядов» [Временное Сибирское правительство, с. 261]³.

О причинах, по которым Совет министров занял такую позицию, можно только догадываться. Скорее всего, их было несколько.

Естественно, Совет министров не мог проигнорировать компетентное мнение А. М. Ярмоша.

³ Примерно в середине августа 1918 г. М. Б. Шатилов направил проект соглашения между ВСП и Алаш-Ордой для обсуждения в национальную фракцию Сибирской областной думы, которая, в свою очередь, сочла предоставленные ей материалы недостаточными и обратилась к А. Н. Букейханову с просьбой делегировать в Томск представителя Алаш-Орды [см.: ГАТО, ф. Р-72, оп. 1, д. 5, л. 3].

Серьезной преградой для достижения взаимопонимания между Алаш-Ордой и Временным Сибирским правительством являлась позиция последнего по территориальному вопросу. Дело в том, что областники не скрывали, что почти весь Киргизский край они считают неотъемлемой частью Сибири [Первый Сибирский..., с. 2; Временное Сибирское..., с. 151].

Ситуацию усугубило и то обстоятельство, что в конце июля — начале августа 1918 г. в Кустанае и Омске произошло несколько конфликтов на национальной почве между русскими и казахами, инициаторами и участниками которых стали видные алашордынцы, в том числе член Акмолинского областного киргизского исполнительного комитета Е. И. Итбаев и депутат Всероссийского учредительного собрания, член военного совета Алаш-Орды С. К. Кадирбаев [см.: Сибирская речь, 1918, 4 августа; Акмолинские областные ведомости (Омск), 1918, 10 августа; Временное Сибирское правительство, с. 207, 226, 264]. Это инциденты однозначно были расценены Советом министров как ущемление национального достоинства русских и покушение на прерогативы Временного Сибирского правительства.

К тому же за июнь — сентябрь 1918 г. персональный состав руководящих органов сибирской контрреволюции претерпел существенные изменения. Если Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства состоял в основном из эсеров-максималистов, то пришедший ему на смену Совет министров ВСП уже был по сути дела коалиционным органом, в котором преобладали беспартийные областники (особенно после того, как 27 июля приступил к работе И. И. Серебренников). На протяжении июля — сентября 1918 г. Совет министров неуклонно дрейфовал «вправо». В конце сентября 1918 г. в его составе остались только П. В. Вологодский, И. А. Михайлов и И. И. Серебренников, политическим кредо которых являлось возрождение российской государственности, с которым требования Алаш-Орды о предоставлении Киргизскому краю автономии плохо коррелировались.

Серьезное влияние на позицию Временного Сибирского правительства оказывала местная общественность, которая отнюдь не приветствовала стремление алашордынцев добиться автономии до победы над большевиками и до конституционного устройства российской государственности. Скорее наоборот: она этому всячески противодействовала.

Решительной критике подвергла алашордынцев за их требование немедленного предоставления автономии популярная омская газета «Заря», позиционировавшая себя как «орган социалистической мысли». Реагируя на записку Алаш-Орды об автономии, она опубликовала редакционную статью «Увлечение сепаратизмом». «...Приходится с грустью констатировать, — говорилось в статье, — что даже те представители областей, которые хорошо, по-видимому, понимают, что “Россия, освобождающаяся от большевиков, вступает на опасный путь раздробления на множество губернских автономий, не признающих друг друга в момент, когда нужно единение”, сами проявляют явно сепаратис-

⁴ В газете цитируется записка Алаш-Орды об автономии.

тское настроение, то есть становятся на *опасный путь* (здесь курсив редакции газеты. — В. Ш.)» [Заря, 1918, 2 августа]⁴.

Позицию «Зари» поддержала другая авторитетная омская газета — кадетская «Сибирская речь». Она напомнила читателям о том, что претензии алашордынцев на получение национально-территориальной автономии Киргизского края, предъявленные Временному Сибирскому правительству, являются не только несвоевременными, но и некорректными. «Сибирь, — объясняла газета свою позицию, — обособилась от России лишь временно, и самый вопрос о[б] ее автономии будет окончательно решен не Сибирским, а Всероссийским Учредительным собранием. Поэтому Сибирское правительство как временное не имеет права ни обсуждать, ни, тем более, решать вопрос о казахской автономии. Указанный вопрос, как и вопрос о самой сибирской автономии, может решить только Всероссийское Учредительное собрание».

Что касается требований алашордынцев по территориальному вопросу и относительно характера автономии, на которую они претендовали, то «Сибирская речь» оценивала их так: «По существу, при удовлетворении киргизских претензий от России должен быть отделен громадный край, местами густо заселенный русскими переселенцами с целым рядом чисто русских городов. Мы говорим “отделен”, потому что автономия в той форме, в какой ее требуют киргизские представители, равносильна полному отделению от России, равносильна образованию в ее пределах самостоятельного киргизского государства».

«Мы, — транслировала «Сибирская речь» позицию русских либеральных кругов, — готовы широко идти навстречу требованиям инородцев об удовлетворении их культурно-национальных нужд, но полагаем, что только государство, решившееся на самоуничтожение, могло бы добровольно согласиться на подобного рода инородческий сепаратизм».

Угрозу же представителей Алаш-Орды разорвать союз с Сибирью в случае неудовлетворения их требования и самостоятельно провозгласить автономию газета нашла «очень неудачным тактическим приемом». «На таком пути к желательному соглашению прийти трудно» [Сибирская речь, 1918, 5 августа].

Август — сентябрь 1918 г. стали временем дальнейшего снижения взаимопонимания и ослабления взаимодействия Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства. ВСП не утвердило положение о киргизских судах, действовавших на основе норм обычного права, и соответственно не признавало их судебные решения. Ссылаясь на объективные трудности, Временное Сибирское правительство лишило Алаш-Орду льготных условий отправки почтовой корреспонденции, прекратило финансировать содержание вооруженных отрядов и милиции, а военное министерство перестало выделять во вновь формируемые Алаш-Ордой воинские части офицеров-инструкторов и оружие. Уже в середине августа из-за отсутствия финансовых средств остро встал вопрос о расформировании дислоцировавшегося в Семипалатинске 1-го Алашского степного конного полка, насчитывавшего около 30 офицеров и 750 рядовых всадников. Вскоре там началось дезертирство [см.: ГАТО, ф. Р-72, оп. 1, д. 5, л. 5, 9, 16; Воля народа, 1918, 13 сентября; Восточное отделение..., с. 134–135].

Более того, на проходившем 22 августа 1918 г. заседании Совета министров ВСП при обсуждении вопроса о составе участников предстоявшего в Уфе государственного совещания по созданию всероссийской власти было принято решение о недопущении на него представителей Алаш-Орды [Временное Сибирское..., с. 284].

В свою очередь, Алаш-Орда все решительнее стала переориентироваться с Временного Сибирского правительства на Самарский комуч. Так, уже в начале сентября 1918 г. хорошо информированный председатель Семипалатинской областной земской управы Р. М. Марсеков в служебном разговоре с местным областным комиссаром Г. Г. Кротом открыто заявил, что Алаш-Орда признает Самарский комуч, а не Временное Сибирское правительство, что «киргизский народ в случае непризнания Алаш-Орды правительственным органом не будет выполнять требования и распоряжения Сибирского правительства» [РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 15, л. 14; см. также: Сушко, с. 200]. Получив эту информацию, Совет министров ВСП поручил министерству юстиции произвести расследование о деятельности Р. М. Марсекова, а военному министерству совместно с Министерством внутренних дел собрать материалы и предоставить доклад по вопросу об отношении Временного Сибирского правительства к Алаш-Орде [Временное Сибирское..., с. 345].

Переориентации Алаш-Орды на Самарский комуч в значительной мере способствовала политика Комуча в национальном вопросе: сначала обнародованное им обращение к тюркско-татарскому народу с обещанием предоставить ему право не только на культурно-национальную, но и на национально-территориальную автономию, затем — декларация, адресованная Алаш-Орде, в которой Комуч временно признал автономию Алаша [Вестник правительства..., 1918, 19 сент.; Вестник комитета членов..., 1918, 25 сент.; Оренбургский вестник комитета..., 1918, 1 окт.]. Вполне естественно, что на проходившем 8—23 сентября 1918 г. в Уфе совещании по организации всероссийской государственной власти делегация Алаш-Орды поддержала не Временное Сибирское правительство, а Самарский комуч [Русский исторический архив, с. 98—99].

Судя по всему, причин, по которым летом 1918 г. не только не произошло дальнейшего укрепления военно-политического союза Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства, каждое из которых ставило своей целью достижение автономии в составе России, но и явно обнаружилось их взаимное дистанцирование, много. Прежде всего в их ряду необходимо видеть различия в системах тех политических ценностей, на которые ориентировались деятели этих двух областных правительств. Для лидеров сибирской контрреволюции, как и для их военно-политических противников — большевиков, национальный вопрос во время гражданской войны в России не являлся главным. Главным был вопрос о государственной власти, тогда как национальный вопрос имел подчиненное значение. Принципиально иначе понимали соотношение этих фундаментальных проблем лидеры Алаш-Орды, для которых вопрос о национальной автономии, трактуемой к тому же как государственная самостоятельность (независимость), всегда являлся приоритетным и для решения которого они готовы были сотрудничать с разными политическими

силами России, в том числе даже находившимися по разные стороны фронтов гражданской войны.

-
- Акмолинские областные ведомости* (Омск). 1918. 10 августа.
- Алаш-Орда* : сб. документов / сост. Н. Мартыненко. Кзыл-Орда, 1929. 189 с.
- Аманжолова Д. А.* Букейханов Алихан Нурмухамедович // *Политические деятели России 1917* : биограф. словарь. М., 1993. С. 48–50.
- Бочагов А. К.* Алаш-Орда. Краткий исторический очерк о национально-буржуазном движении в Казахстане периода 1917–1919 гг. Кзыл-Орда, 1927. 57 с.
- Бюллетень* Временного Сибирского областного совета (информационное бюро). Томск. 1917. № 1.
- Вестник* комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). 1918. 25 сентября.
- Вестник* правительства Башкирии (Оренбург). 1918. 19 сентября.
- Восточное* отделение правительства Алаш-Орды : сб. документов. Семей, 2010. 425 с.
- Временное* Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.) : сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2007. 818 с. ГАТО. Ф. Р-72, Р-552, Р-578.
- Западно-Сибирский* комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая — 30 июня 1918 г.) : сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2005. 246 с.
- Заря* (Омск), 1918. 27 июня.
- Оренбургский* вестник комитета уполномоченных от членов Всероссийского Учредительного собрания. 1918. 1 окт.
- Первый* Сибирский областной съезд. Постановления съезда. Томск, 1917
- Пришимье* (Петропавловск). 1918. 30 июня. РГВА. Ф. 39617.
- Русский* исторический архив. Сб. 1. Прага, 1929.
- Свободная* речь (Семипалатинск). 1918. 21 и 22 июня.
- Сибирская* жизнь (Томск). 1918. 5 июля.
- Сибирская* речь (Омск), 1918. 30 июня; 4 авг.
- Собрание* узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. Омск, 1918. № 2 (18 июля). Ст. 9.
- Сушко А. В.* Процессы суверенизации народов Сибири в годы гражданской войны. Омск, 2009. 336 с.
- Шишкин В. И.* Комиссары и управляющие Акмолинской области (июнь 1918 — декабрь 1919 г.) // *Изв. Омск. гос. ист.-краевед. музея*. 2007. № 13. С. 160–171.

Статья поступила в редакцию 14.09.2011 г.